

В. П. Вахтеров

СЕЛЬСКИЕ БИБЛИОТЕКИ

Вахтеров, В. П. Внешкольное образование народа / В. П. Вахтеров. М.: Типография Высочайше утвержденного Т-ва И. Д. Сытина, 1896. 382 с.

Одним из величайших благ, отличающих наше время от эпох, ему предшествовавших, служит изобилие и общедоступность хороших книг. То, что в давние времена едва было доступно только богатым монастырям и соборам, позднее дворянам, иерархам, немногим из бояр и вельмож и учёным учреждениям вроде академии наук, — в настоящее время может быть достоянием каждого грамотного и любознательного человека. Значение этого факта громадно. Карлейль говорит, что коллекция книг равняется настоящему университету. Один «современный английский поэт утверждает, что, благодаря хорошим школам и книгам, наше будущее станет прекраснее, чем самое чудное сновидение. На земле, по его словам, осуществится всё то, о чём мы теперь мечтаем как о недостижимом блаженстве. Все люди будут мудрецами, и для их ума станут доступными такие высоты, о каких теперь мы не можем составить даже приблизительного представления; их сердца сделаются мягкими и любящими; проклятая жажда наживы сгинет в породившем её аду; в отношениях между людьми воцарятся любовь и мир, свобода и братство. По словам Петрарки, благодаря книгам мы имеем друзей, общество которых для нас чрезвычайно приятно. Одни из них существовали в предыдущие века, другие живут ныне. Они рассеяны по различным странам

мира и, несмотря на то, всегда готовы к нашим услугам. Мы принимаем их или отказываемся от их общества, когда нам это угодно. Книги всегда готовы ответить на любой вопрос, заданный им. Одни из них объясняют нам события прошлых веков, а другие раскроют нам великие тайны природы; одни из них учат нас как жить, другие — как умирать.

Как ни преувеличенными представляются эти отзывы интеллигентным людям, успевшим уже, благодаря отчасти дурному подбору книг, разочароваться в облагораживающем влиянии чтения, но для простого народа большинство этих отзывов и теперь сохраняет всю свою силу. Воспитательное значение книги в деревне, действительно, громадно. Мы, через чью голову прошли различные теории, в виде последних выводов науки, чей ум, вросавший в себя всё более или менее крупные произведения русской и иностранной литературы, и которых нельзя ни удивить, ни поразить никакою новою книгою, совершенно не можем судить по себе, какое впечатление производит хорошая книга на свежую душу деревенского читателя.

Всякий, кто наблюдал за чтениями в деревне, кто видел, с каким трепетом сердечным следят деревенские читатели за терзаниями героя рассказа, с каким восторгом узнают они о его удачах, кто слышал этот искренний, неудержимый, гомерический хохот деревенской аудитории, когда положение действующих лиц рассказа становится комичным, видел эти слёзы наиболее впечатлительных слушателей, сопровождаемые вздохами и восклицаниями других, при талантливом воспроизведении какого-нибудь печального события, кто слышал суждения крестьян по поводу просто и толково прочитанного, — тот знает, что, при хорошем чтении, талантливая, интересная и доступная пониманию народа книга оставляет неизгладимый след в душе простолюдина, входит в его мировоззрение, становится заметным фактором в его духовной жизни и, возбуждая и направляя его мысль, в то же время сильно действует и на его чувство.

Без преувеличения можно сказать, что лучшая опера, постановка которой стоит десятки тысяч рублей, не производит на пресыщенную зрелищами публику такого впечатления, какое возбуждает в деревенской среде иногда трёхкопечная книжка, написанная с талантом.

Известный учёный Гершель приводит любопытный рассказ, живо рисующий удовольствие, получаемое народом при чтении книг. В одной деревне в Англии кузнец случайно достал один из романов Ричардсона и начал читать его громко перед многочисленным обществом, сидя на своей наковальне, в длинные летние вечера. Известно, что этот роман далеко не из коротких, но он был выслушан до конца; когда же после многочисленных приключений герой сходится, наконец, со своей возлюбленной, и автор предрекает им счастливую и долгую семейную жизнь, то слушатели пришли в такое восхище-

ние от благополучного конца романа, что принялись изъяслять свой восторг громкими криками и, добыв ключи от деревенской колокольни, начали звонить в колокола, как в праздничный день.

Наши начальные школы ежегодно выпускают в народную среду сотни тысяч грамотных подростков.

Ещё в 1884 году, судя по отчёту Министерства Народного Просвещения, из начальных училищ этого ведомства вышло в этот год до 400 000 более или менее грамотных детей. А в 1895 году их вышло из школ только этого одного ведомства более 600 000.

Если же присоединить сюда начальные училища других ведомств и школы грамотности, то цифра эта может возрасти до 800 000 грамотных. Почти все они уже в школе приобретают привычку к чтению и требуют книг, доступных для их понимания по своему изложению и занимательных по содержанию. Что книга стала уже насущною потребностью простого народа — это доказывается массою лубочных изданий, идущих в народ (более 15 миллионов экземпляров ежегодно). Разумное удовлетворение этой жажды народной к чтению составляет одну из самых главных и притом неотложных задач нашей интеллигенции. И до тех пор, пока в народной среде не будет обращаться достаточно много хороших по содержанию и изложению книг, на нашем образованном человеке будет лежать ответственность за то, что простой народ и до сих пор в огромном

большинстве случаев читает произведения, рассчитанные на низменные инстинкты читателей.

Уже эти одни соображения приводят к неизбежному заключению о крайней необходимости сельских библиотек. «Библиотеки необходимы для учителей, для учащихся и для грамотного населения, и этою тройною необходимостью вопрос о сельских библиотеках сам собою выдвигается на степень насущного и неотложного вопроса в деле народного образования», как это выражено в циркуляре московской комиссии по воскресным школам в 1892 году. К тому же выводу приводит нас и обзор мнений, выраженных земствами, училищными советами, инспекторами народных училищ, законоучителями и преподавателями народных школ.

Для нашей работы мы располагаем, между прочим, 182 ответами, полученными вышеупомянутой комиссией на её циркуляр о библиотеках, воскресных и вечерних школах и книжных складах. Большинство отзывов смотрит на устройство библиотек как на средства против рецидивизма безграмотности. Читая эти отзывы, удивляешься не тому, что рецидивизм существует, а тому, что случаи полного забвения грамоты встречаются редко. Так, херсонская губернская земская управа говорит: «По неимению ли возможности или по нежеланию приобретать книги для чтения, нередко учившиеся в школах лица возвращались в безграмотное состояние; земство не могло относиться равнодушно к этому факту, парализовавшему его заботы о народном образовании, и, как на лучшей мере к устранению его, остановилось на школьных библиотеках. Некоторые из уездных земств

губернии давно уже признали школьные библиотеки необходимостью в общей системе народного образования и завели их при школах своего уезда; другие земства только теперь делают это; но есть и такие, которые в этом направлении, кажется, не обнаруживают никакой заботы».

По словам александровской земской управы, «дети, посещавшие школу, по окончании её, возвращаясь в семью, совершенно безграмотную и неразвитую, не имея средств к дальнейшему поддержанию и развитию знаний, приобретённых в школе, сами мало-помалу если не совершенно забывали, то во всяком случае теряли интерес к чтению и приобретению новых знаний, что, конечно, так сказать, останавливало их развитие...»

Гласный сосницкого земства г. Рудановский говорит: «Крестьянский мальчик, окончив школу, остаётся на постоянное житьё в родной хате, куда, со времени её основания, не проникало ни одной печатной строчки. Читать нечего, получить книг неоткуда, писать не на чем и нечем. Проходит год, другой, приобретённые в школе познания мало-помалу забываются. Отсюда следует, что в деле народного образования заведение одних школ, хотя бы вполне правильно и рационально поставленных, — далеко не всё; что оно составляет лишь половину и даже меньшую половину дела. Для того, чтобы народная школа стояла на твёрдой почве, чтобы делаемые на неё затраты были действительно производительными, чтобы даваемая ею грамотность упрочивалась на всю

жизнь питомцев, — необходимо дать воспитанникам школ возможность и по окончании школы продолжать чтение, а следовательно и самообразование, — необходимо устраивать сельские библиотеки. Расходы на устройство их не должны смущать, потому что в настоящее время популярные народные издания очень дешёвы, и за 40—50 руб. можно приобрести 200—300 полезных книжек из комитета грамотности».

Аналогичное мнение высказывает кунгурский училищный совет, утверждая, что без библиотек обучение грамоте будет целью, а не средством для дальнейшего образования, и окончившие курс в школе, не имея под руками книг для чтения, могут с течением времени сделаться безграмотными; при помощи же библиотек не только можно поддержать в народе простую грамотность, но и распространять среди него разумные и полезные сведения об окружающей природе, сельскохозяйственные, гигиенические и пр., не говоря уже о развитии и укреплении истин христианской религии, которые вполне сознательно могут быть усвоены только в более зрелом возрасте. Разделяя такое мнение совета, кунгурская управа прибавляет, что если земство затрачивает десятки тысяч на первоначальное обучение, то нерасчётливо будет останавливаться пред расходом в несколько сотен рублей, если этот расход послужит к тому, чтобы бывшие ученики народных школ не утратили полученных ими в школе сведений, или, другими словами, к тому, чтобы не погибли результаты тысячных затрат земства.

По мнению уржумской земской управы, грамотность сама по себе ничего не даёт человеку, она есть только средство к образованию. Нужно, чтобы это средство, приобретаемое с большими усилиями, не оставалось без результатов. Научившиеся грамоте не должны порывать

связи с книжкой, в которой умные люди записали всё, до чего дошло человечество в продолжение целых тысячелетий. Между тем мальчик, обучившийся грамоте, по выходе из школы только разве в исключительных случаях может обращаться к хорошей книжке.

К тому, чтобы знания и навыки, даваемые школою, не забывались и чтобы затраты на училища со стороны земства и правительства не терялись, а вознаграждались сторицею, могут ввести, по мнению управы, следующие желательные мероприятия:

- 1) Пополнение школьных библиотек книгами, пригодными для чтения взрослых, преимущественно духовными, столь любимыми народом.
- 2) Устройство библиотек при церквях и школах.
- 3) Продажа книг для чтения при церквях и школах.
- 4) Устройство читален для народа на улицах и площадях наподобие изобретённых известным распространителем в народе книг для чтения г. Митрополовым¹.

Инспектор народных училищ Симбирской губ., г. Охотин, пишет сызранскому земскому собранию: «Отсутствие библиотек при сельских училищах дурно отзывается на поддержании грамотности, приобретённой детьми в школе, и на распространении вообще здравых

¹ Простейшая и самая дешёвая библиотека г. Митрополова состоит из печатных листов, приколотенных к деревянной доске, прикреплённой к забору.

понятий среди тёмного крестьянского люда. Училища пока единственный источник, из которого крестьянин в детстве почерпает полезные сведения для жизни. Эти же училища должны и в будущем дать возможность ему уберечь приобретённые сведения, а подчас даже и самую грамотность от дальнейшего забвения. К сожалению, нужно сознаться, что бывают и такие печальные факты, когда окончившие курс в школе, достигая более зрелого возраста, разучиваются читать, потому что школа не имеет возможности своевременно развить любовь к чтению и вообще любознательность. Ученики в течение трёх-летнего курса читают только те книги, которые рекомендованы для занятия чтением в классе, и больше ничего, а на одних учебных книжках любовь к чтению развить невозможно». Выраженную г. Охотиным мысль, что уберечь от забвения грамотность обязано само училище, необходимым дополнением которого служит библиотека, разделяют и другие. В заявлении сосницкой комиссии по народному образованию говорится о необходимости обратить внимание губернского земства «на устройство сельских библиотек как необходимого дополнения к делу начального образования». По словам Вёсегонской земской управы, нет никакого сомнения, что необходимейшим дополнением к книгам для классного чтения является библиотечка для внеклассного чтения.

В сборнике пермского земства читаем: «Элементарная школа, давая своим ученикам средство к дальнейшему образованию, толчок к развитию, тем самым уже налагает на себя обязанность облегчить своим питомцам путь к достижению цели и применению этих средств. Разрывая всякое общение со школой и выходя из-под влияния окружавшей его

там обстановки, ученик остаётся лицом к лицу с тем же невежеством, загроубелостью, с теми же предрассудками и суевериями, в которых пребывал раньше. Нельзя, конечно, отрицать этого влияния и в период нахождения в школе, но тогда оно могло парализоваться личностью учителя и его толковыми и разумными объяснениями. Библиотеки в этом случае могут сослужить незаменимую услугу делу: с одной стороны, они закрепляют связь между учеником и школой, с другой — двигают его вперёд по пути развития, приучая к умственным наслаждениям и тем самым внушая уважение к школе. Вообще, чем более будет соприкосновения между училищем и местным населением, тем больше училище полюбит народ, тем больше оно пустит корней в народную жизнь».

На благотворное влияние библиотек в нравственном отношении указывают ещё следующие отзывы. Один училищный совет пишет в комиссию при московском комитете грамотности: «Народные библиотеки крайне желательны уже потому, что крестьяне большею частью приобретают на базарах и у странствующих коробейников книги, как по содержанию, так и по направлению часто вредные».

Сельский учитель Тюрин пишет туда же: «Как ни малы библиотеки, существующие в нашем селе, всё-таки они удовлетворяют до некоторой степени любознательность и духовные потребности сотни грамотных крестьян и, кроме того, дают им возможность проводить праздники и другие свободные дни более благопристойно».

Директор народных училищ Екатеринославской губернии, г. Малевинский, пишет в своём докладе губернскому земству: «Неоспоримо, что при умелом составе книг для народа и при умении учителя руководить чтением, народные библиотеки в недалёком будущем явятся нравственною силою и могуче повлияют на нравственную и экономическую сторону жизни крестьян».

О влиянии книги на экономический быт населения свидетельствует отчёт о библиотеках Екатеринославской губернии. По его словам, крестьяне пользуются прочитанным для практических целей. Так, например, в с. Комиссаровке, с появлением в массе населения спроса на научные и сельскохозяйственные книги, некоторые из крестьян стали усердно заботиться о содержании скота в тепле и чистоте, другие принялись за правильное удобрение своих полей. Один вылечил при помощи книги больную корову; другой строит соломенную несгораемую крышу. По словам «Смол. Вестн.», крестьян дер. Тюлина, Сычевского уезда, устроивших у себя библиотеку-читальню, книга навела на мысль учредить опытное поле и склад улучшенных сельскохозяйственных орудий и семян.

Книга в этом отношении приносит уже ту несомненную пользу, что она уничтожает косность народную, представляющую непреодолимое препятствие на пути всяких хозяйственных улучшений. Член угличского училищного совета, г. Иванов, полагает, что библиотеки привлекают в школу и девочек, составляющих теперь незначительный процент учащихся, так как, по его наблюдению, девочки особенно охотно читают книги, а возможность удовлетворить эту потребность заставит многих из них идти в школу учиться. Мы думаем, что это мнение имеет основание, и в ряду других мер к привлечению девочек в школу устройство

библиотек займёт не последнее место; но не можем не прибавить, что, по нашим сведениям, школьная библиотека служит приманкою не для одних девочек, а столько же и для мальчиков. «Народные библиотеки, отрытые в Екатеринославской губ., по словам отчёта о них, оказали влияние на число учащихся в школе: родители, слушая чужого чтеца, проникаются желанием иметь и своего».

Инспектор народных училищ Владимирской губернии, г. Ершов, в своём письме ко мне сообщает: «Предполагается открыть библиотеки при школах Юрьевского и Переяславского уездов, по типу, рекомендованному вам в журнале Мин. Нар. Просв., августа 1891 г., причём в одну группу проектируется соединить 9—10 школ». Находя, что путь, указываемый комитетом грамотности к развитию и укреплению знаний в народе, правильный, он прибавляет, что на устройство общеобразовательных учреждений, указанных комитетом, должна быть в настоящее время направлена вся энергия лиц, близко стоящих к школе, не отвлекаясь в сторону огородничества, гимнастикой, ремёслами и т. п.

Вопрос, поднятый г. Ершовым, как известно, рассматривался и в петербургском комитете грамотности, высказавшемся в том смысле, что школа должна сохранить общеобразовательный характер. Это не значит, конечно, что в состав библиотек не должны входить книги по огородничеству, пчеловодству, садоводству, кустарному делу и проч., а значит только, что учебное время,

едва достаточное для сообщения детям грамотности и некоторых общеобразовательных сведений, нельзя без вреда для дела отнимать на занятия, очень почтенные сами по себе, но неимеющие никакого отношения к задачам начальной школы.

Что библиотеки служат к удовлетворению уже существующей, широко распространённой и сознанной потребности в народе — в этом убеждает нас подавляющая масса свидетельств. Вот наиболее типичные из них:

Из сведений, которые имеются в александрийской земской управе, она делает несколько весьма благоприятных выводов; так, например: «1) отрадным явлением, по её словам, представляется то обстоятельство, что почти $\frac{2}{3}$ всех учащихся в школах пользовались книгами для чтения из библиотеки, так как в 18 школах, представивших отчёты, считается 1544 ученика, выданы же были книги для чтения 945 ученикам; 2) что все окончившие школу не разрывают с нею окончательно, а продолжают укреплять свои знания, приобретённые в школе, так как кроме окончивших в 16 школах в 1888 г. 113 учеников брали книги для чтения из библиотеки и ученики, окончившие курс ранее прошлого года, потому что всех пользовавшихся книгами из окончивших курс было 294 лица; 3) и наконец пользовалось библиотекою 197 крестьян, не обучавшихся в школе.

Елизаветградская земская управа говорит в своём докладе о школьных библиотеках за 1891 г.: «Берут книги как ученики, так и прежде учившиеся в школе, одинаково как девочки, так и мальчики; среди читающих встречаются и взрослые, а иногда и старики, получающие книги или непосредственно сами

или через учеников. Наибольшим предпочтением взрослых и бывших учеников пользуются книги исторического и беллетристического содержания, охотно разбираются и библейские, наименее всего читаются книги по естествоведению, хотя они приурочены к сельскому быту и имеют прикладное значение. В последнем случае большое влияние имеет отношение самого учителя к этому отделу: так, занимающийся хотя немного сельским хозяйством учитель умеет приохотить ученика или вышедшего уже из школы к подобного рода чтению, и книги получают постепенно спрос. В одной школе несколькими читающими перечитаны уже все книги по естествоведению, а некоторые только и читают произведения печати этого или религиозно-нравственного содержания. Понимание читаемого удостоверяется всеми учителями; только дети младшего возраста с трудом иногда могут передать прочитанное, если оно по форме или по содержанию не соответствует детскому пониманию, и наоборот — с большой охотой передают хорошо понятое. Вообще, по словам управы, желание читать для развлечения у всех заметно».

Одна земская управа пишет:

«Училищные библиотеки, открываемые при школах, принесли несомненную пользу: из полученных за истекший год сведений о деятельности библиотек видно, что ими пользуется всё грамотное население сёл и деревень. Читают книги не только учащиеся и окончившие курс, но и взрослые грамотные. Учителям, заведующим этими библиотеками, немало хлопот,

так как запрос на эти книги, особенно в зимнее время, весьма большой. Смеем надеяться, что чтение это, уже само по себе дающее и знание и способствующее религиозно-нравственному развитию читающих, не в далёком будущем окажет благотворное влияние на повышение и улучшение самой народной школы».

В докладе за 1883 г. она пишет: читать нечего! Вот какие слова постоянно слышатся как от сельского учителя, так и от учеников его. Следовательно, чтобы более или менее обеспечить в народе грамотность, нужны книги для чтения, нужны библиотеки.

«Желательно было бы, чтобы такие библиотеки существовали при каждой школе, и если немыслимо осуществление этого в высшей степени полезного дела за раз во всех школах, то хотя постепенно следовало бы вводить этот книжный свет между тёмною нашею массою народною».

Но самыми вескими должны быть признаны отзывы учителей, учительниц и законоучителей народной школы как лиц, имеющих непосредственное отношение к читателям из народа. Почти все письма, поступившие от них в комиссию по воскресным школам, констатируют большую потребность народа в хорошей книге для чтения.

«Ученицы воскресной школы, — говорит г-жа Кайданова, — стали брать книги для себя и родных — отца, брата, дяди и т. д., которые редко являлись в библиотеку самолично: «Папаша прислали 20 коп., — заявляет одна ученица (дочь кузнеца), — и велели принести им толстую книгу: они тоненьких не любят».

«Нужно быть сельским учителем, чтобы видеть, с каким интересом, толком и пониманием берутся

и прочитываются в семье взятые из библиотеки книги». (Г-жа Скафтымова.)

«Часто ученицы брали книги для своих родителей, братьев и сестёр. Вообще, как взрослые, так и малолетние очень любят чтение, и едва только научатся грамоте, как сейчас же берут книги». (Г-жа Дряхлова.) <...>

Нередко встречаются отзывы, указывающие на значение библиотеки и для неграмотного населения.

«Приблизительно из каждой сельской школьной библиотечки, — пишет законоучитель о. Разумов, — выдаётся в течение года до 2 000 томов; кроме того, каждый посетитель библиотеки не один читает взятую им книгу, но большую частью его слушают многие, особенно из домашних; читанное и слышанное передаётся от одного к другому, и в результате получается общее понижение уровня народной тьмы и невежества».

В журналах шадринского земства за 1889 г. говорится: «В домашнем быту грамотный является, так сказать, учителем в своей семье: в свободное от занятий время, вечерами на праздники и в самые праздничные дни, грамотный читает для своих домашних св. Евангелие, жития святого или другую какую полезную книгу. Бывают случаи, что приходят послушать чтение и соседи».

Когда мне приходилось объезжать сельские школы Смоленской губернии, я спрашивал детей о способе пользования

книгами, и почти всегда оказывалось, что дети читают вслух взрослым. Часто собирается слушать такого чтеца более 30-ти человек, как, например, в Пушкине, Дорогобужского уезда. Иногда крестьяне нанимают особую «читальную» избу, как это имело место в деревне Дьяковке, Юхновского уезда, и в деревне Тюлине, Сычевского уезда. В бизюковской сельской школе я спросил одного ученика младшего отделения, едва научившегося разбирать печатное, кому он прочёл выданную ему книжку «Бог правду видит». Оказалось, что он прочитал названный рассказ сначала один, потом вслух всей семье своей, потом в семье своего дяди, потом во дворе своей крёстной матери, да сверх того ещё у каких-то знакомых.

В сагуповской сельской библиотеке, по словам г-на Девеля, собраны сведения о том, при какой обстановке производится чтение книжек крестьянами: из 34 случаев, которые удалось наблюдать, только в 4-х констатировано чтение в одиночку. В остальных 30-ти случаях чтение происходило в семье, иногда в присутствии посторонних слушателей. Чтение, по его словам, всегда сопровождается комментариями того из присутствующих, который считает это нужным в данную минуту.

Так как факт общего чтения книг, взятых из библиотеки, подтверждается и многими другими наблюдателями, хотя и не представившими цифровых данных, то почти можно принять за доказанное, что для определения количества слушателей надо цифры выданных крестьянам книжек помножить, по крайней мере, на среднее число взрослых, приходящихся на одну семью.

Но в материалах, которыми я располагаю, встречаются и отрицательные отзывы, также представляющие значительный интерес. Землевладелец Энгельмейер, сообщая об учрежденных им 2-х школьных библиотечках, прибавляет: «Только до сих пор нельзя у нас похвастаться большим количеством чтецов». Новоржевская уездная земская управа сообщает, что число лиц, берущих книги из школьных библиотек, незначительно. Новгородская земская управа сделала общий свод из отрицательных отзывов 93 учащихся. Эти отзывы констатируют, что незначительное число читателей объясняется либо преобладанием раскольничьего населения, либо недостатком хороших книг, отдалённостью селений от школы и частою сменой преподавателей. Г. Энгельмейер указывает на равнодушие к библиотеке заведующего ею учителя.

Таким образом, все сообщения отрицательного характера указывают не на отсутствие в потребности к чтению в народе, а на недостаток материальных или умственных средств для её удовлетворения.

Когда мне в 1884 году пришлось заводить школьные библиотеки в 4-х уездах Смоленской губернии, я встретил противодействие этому начинанию со стороны некоторых учителей, утверждавших, что книжки отвлекут учеников от приготовления уроков, но опыт первого же года, по их собственному сознанию, убедил их, что, благодаря библиотекам, ученики быстрее приобретают навык в беглости чтения, обогащаются запасом новых слов и оборотов, становятся развитее, быстрее

схватывают объяснения учителя и делают более быстрые успехи даже в орфографии.

В принципе никто не оспаривает пользы народных библиотек, только одна чернская земская управа пишет: «Беда, если в каком населении все будут грамотные и очень даже грамотные, да не будет в нём на одного ремесленника».

К счастью, отзыв, выраженный в такой решительной форме, стоит одиноким. <...>

Вот живое описание того, как сами крестьяне относятся к библиотекам. Один интеллигентный крестьянин, человек бедный, так же, как и его односельчане, пашущий землю, задумал открыть в своей деревне бесплатную читальню исключительно на частные пожертвования, и вот что пишет он о своём предприятии в «Самарской Газете»: «Нельзя сказать, чтобы дело шло хорошо. Соседние помещики, на библиотеки которых я делаю набеги, ссужают меня старыми разрозненными журналами, романами без начала и конца и прочею литературною ветошью. И это ещё самые гуманные; а то есть такие, что, обругав меня дураком, без дальних слов выпроваживают в шею. Сельское начальство тоже косится и старается на каждом шагу подставить ножку. Крестьяне, против обыкновения, сильно интересуются и высказывают сочувствие, — не все конечно: много и таких, которые чуть не в глаза называют меня “пройдохой”, который в конце концов “облапошит дураков”, т. е. любителей чтения». Но у сочувствующих, — а таковых большинство, — нет денег, и «рука не протягивается взять его гривенник, когда знаешь, что у него соли нет». И несмотря на такую бедность, вот трогательная сцена, которая описывается дальше в письме: «Когда пришлось посылать просьбу о разрешении на открытие

читальни, потребовалось два рубля гербового сбора. Мне нигде не могли найти такой громадной суммы. Я сидел на завалянке, ломая голову, где бы достать два рубля. У меня были новые сапоги, за которые даже здесь, в деревне, дали бы 2 рубля, но расстаться с сапогами было жалко... Подходят трое мужиков, грязные, запыхавшиеся, и, как бы стыдясь своего увлечения, тычут мне в руку два двугривенных и гривенник. Оказывается, что все они обегали всю деревню, и только троим посчастливилось найти 50 к.». Деньги эти однако не были взяты, и на уплату гербового сбора пошли новые сапоги.

Как велика разница между народом, не фразами, а делом выражающим своё искреннее уважение к просветительному значению книги, и лицемерным пафосом чернского земства, взывающего о замене общего образования ремесленным и ничего не делающего ни для того ни для другого!

Как ни редки, однако, отзывы против устройства библиотек, как ни слабы приводимые в них доводы, они тем не менее, по-видимому, представляют значительный тормоз к удовлетворению потребности народа в чтении. Чем иначе объяснить, что, при крайней дешевизне народных книг, встречаются десятки уездов и целые губернии, где учреждениями, ведающими делом народного образования, не затрачено ни одного рубля на устройство в сёлах библиотек для взрослых читателей. Из 182 поступивших в комиссию по воскресным школам

отзывов, касающихся библиотек, в 69 говорится либо о полном отсутствии школьных и народных библиотек, либо сообщается, что, за бедностью школьных библиотек, взрослое население книгами из них совсем не пользуется. 21 такое сообщение касается отдельных селений или волостей, 42 — целых уездов, 4 — целых инспекторских районов, из коих один заключает в себе целую губернию, а три остальные — по несколько уездов, и наконец 2 отзыва касаются целых губерний.

Ярославская губернская управа сообщает, что в губернии библиотек — ни народных, ни школьных — нет, по неимению средств у земства.

Почти во всех сельских библиотеках, относительно которых мы имеем сведения, ни платы, ни залога с читателей не требуется, а с учителей не взыскивается денег за утраченные книги, лишь бы они вели запись выдаваемым книгам. И та и другая мера стесняла бы и читателей и учителей. А между тем и без этих обычных гарантий за целостность книг утрата их представляет здесь такое редкое явление, что, например, в любытской школьной библиотеке за 4-летний период её существования было потеряно всего только 6 экземпляров на сумму 98 коп., а в ореховской библиотеке в 1891 году — 4 книги на сумму 84 коп. Стоимость утраченных книг в обеих библиотеках была взыскана с подписчиков, и деньги внесены в управу. В Псковском уезде в 1886 учебном году из 12 282 книг, выданных учащимся и посторонним лицам, не было возвращено 22 книги, а попорченными возвращено только 2. В шуйской фабричной библиотеке-читальне ни платы за пользо-

вание, ни залога не взимается. В обеспечение целостности книг, взятых из библиотеки, каждым подписчиком на особом печатном бланке даётся расписка и для удостоверения своей личности предъявляется расчётная книжка с фабрики или вид на жительство. Такой порядок выдачи книг оказался вполне рациональным; для подписчиков он необременителен, а библиотеке гарантирует целостность книг: за истекшее полугодие не было ни одного случая, чтобы книга не была возвращена. Точно так же в пречисто-каменской библиотеке, Торжского уезда, по словам отчёта, потери книг, несмотря на дальность расстояния некоторых деревень от читальни, почти не было за два года.

Есть ещё один вид библиотек, впервые созданный вятским губернским земством. По справедливому мнению вятской губернской земской управы, библиотеки, читальни и повторительные классы учреждены лишь в больших сёлах и влияют поэтому на незначительный сравнительно район, между тем как каждый плательщик земских налогов вправе требовать услуг земства в этом важном деле.

Между тем не только желательно, а и прямо необходимо, чтобы в каждом глухом заброшенном углу население находило в книге ответы на все свои запросы, — ответы ясные, простые, приуроченные к пониманию крестьянина. В каждом обществе, по крайней мере, если не в каждой деревне, каждый желающий и нуждающийся должен иметь под руками: Евангелие, Псалтирь, портреты

Царствующего Дома, законоположения о воинской повинности с объяснениями, положение о волостном суде, о сельском управлении, кратко объяснённые различные обязательные постановления, почтовые правила, карты: уезда, губернии и России, описание губернии и России, краткое описание других стран, популярное объяснение, как хранить здоровье и какие меры принимать при некоторых заболеваниях и несчастных случаях, как ухаживать за роженцами и за новорождёнными, как воспитывать детей, какие меры принимать в случае появления эпидемии, популярные руководства к лечению животных и к борьбе с эпизоотиями, краткие учебники по различным отраслям наук и искусств, составленные применительно к пониманию крестьян и приспособленные, по возможности, к извлечению из этих знаний практических результатов, книги по различным отраслям сельского хозяйства и техники, наконец книги исторического содержания и образцовые произведения лучших писателей наших, рекомендованные учёным комитетом Министерства Народного Просвещения.

Забываясь об осуществлении этой меры, важной как для поддержания грамотности, так и для распространения знаний и укрепления нравственных основ, и желая провести её возможно экономнее, вятская губернская земская управа выработала следующий проект:

- 1) Открыть на средства губернского земства в Вятской губернии 3000 библиотек.
- 2) Каждая библиотека должна заключать в себе до 100 книг, стоимостью все до 5 рублей.
- 3) Необходимые на это 15 000 рублей ассигнуются из запасного капитала, и затем в течение 3 лет эта сумма возмещается внесением в смету губернского земства по 5000 руб.

Как бы мы ни увлекались удешевлением библиотек, при выборе книг для них, очевидно, надо руководиться не только ценою книги. Вопрос — из каких книг должна состоять школьная и народная библиотека? — сводится к двум другим вопросам: какие книги охотно читает народ и какие из них нужны для него?

По первому из этих вопросов приходится встречаться с самыми противоположными отзывами. Есть земские управы и учителя, которые говорят, что читаются книги исключительно беллетристического характера; другие утверждают, что народ не читает ничего, кроме книг религиозного содержания. Некоторые пишут, что книги по истории, естествоведению, гигиене и сельскому хозяйству не имеют никакого спроса; и в то же время встречаются такие отзывы: «Принеси на этот раз ещё книгов разных — про коров, про лошадей, — они хорошие; наши тятки их читают и ещё брать велят», кричат мне (учительнице воскресной школы Кайдановой) дети, и крик их долго звучит у меня в ушах...

Девочка возвращает книгу по гигиене учительнице и говорит: «Моя мать плачет, зачем ей раньше не дали этой книжки: дали, когда мальчишка помер; дали бы раньше, — он бы, может, не помер бы».

Из книги «Что читать народу» мы видим, что занимательные беллетристические произведения вызывают в слушателе смех, слёзы, негодование и даже стремление применить в своей жизни то хорошее, что вычитано в книге. Слушатели

часто дают меткую характеристику типов, выведенных в произведении. «Франт он бульварный, — больше ничего», говорит тоном глубочайшего презрения к Вихореву Островского взрослая ученица городской школы.

Но они любят иногда послушать и скучную серьёзную книгу, если видят в ней что-либо поучительное. В книге «Что читать народу» приводятся отзывы читателей о книгах утилитарного характера, из коих видно, что даже дети читают и понимают подобные книжки.

Чтобы разобраться в этом хаосе противоречивых мнений, лучше всего обратиться к цифрам, какие нам удалось собрать по данному вопросу. Ведь каждая единица в этих итогах² представляет отдельный факт, свидетельствующий о запросах читателя.

Итог требованиям, подведённый по всем сельским, школьным и народным библиотекам, показывает, что, средним числом, требования на книги духовно-нравственного отдела составляют 21 % общего числа, а светского содержания — 79 %. Если же исключить 15 народных библиотек, относительно коих нет подробных сведений по всем отделам, то окажется, что требования на книги духовно-нравственного отдела — составляют средним числом 31 %; на книги по литературному отделу 46,5 %, по биографическому, историческому отделам вместе этот процент равняется 15 %, по естествознанию и народному хозяй-

ству вместе 7 %, при чём число требований в разных местностях колеблется по отделам: религиозно-нравственному между 16 % и 56 % (в нашу таблицу не вошли библиотеки Псковского уезда, где этот % равняется 13), литературному между 18 % и 61 %, историческому 10 % — 12 %, географическому между 2 % и 5,3 %, по естествознанию 3 % и 6 %, сельскому хозяйству между 0,8 % — 4,5 % и по законоведению между 0,3 % и 4,5 %.

Сведения о городских народных читальнях и библиотеках собраны мною для сравнения, причём оказывается, что если не принимать в расчёт библиотек при воскресных школах, то во всех городских общественных библиотеках и читальнях спрос на произведения научного характера значительно меньше, чем в любой из сельских библиотек, о которых мы располагаем достаточными сведениями. Так, в сельских библиотеках требования на книги научного содержания колеблются между 21 % — 36,3 % и религиозного между 16 % — 56 %, а в городских по первому отделу между 8 % и 10 %, а по второму между 1 % и 13 %.

Вот как характеризует городского читателя Т. библиотека:

«Беллетристика составляет огромное большинство всех книг; если из 24 590 исключить детские книги, то больше половины остальных придётся на долю беллетристики. Эта страсть к лёгкому чтению, столь распространённая в читающей публике, объясняется многими причинами: отчуж-

² В данных, которыми я пользуюсь, всего зарегистрировано 368 745 требований на книги в сельских библиотеках пяти уездов разных губерний и более 100 000 требований в городских читальнях и библиотеках.

дённость от природы, оторванность школы от жизни, недостаток умственного развития и интереса к знанию, умственная лень и пр.»

«Возбуждение иного вкуса к чтению весьма затруднительно при существовании этих общих причин, до устранения которых борьба со злом будет лишь паллиативной».

«Но далее, в области беллетристики приходится постоянно иметь дело с наклонностью к самому лёгкому чтению, к рассказам вымышленного или фантастического содержания. В этих случаях выдающим книги приходится прибегать к различным средствам для того, чтобы заменить требуемую книгу другой, более целесообразной. Благодушному юноше можно иногда посоветовать не тратить дорогого времени юности на пустое чтение и взять что-нибудь дельное; мальчику, упрямому, настойчиво добивающемуся романа Золя, приходится иногда в резкой форме заявить, что мы ему этой книги не дадим, и что он может идти за ней в другую библиотеку; порой просто советуешь, не порицая выбора, взять другую книгу. Но в общем, как показывают наблюдения, эти отрицательные меры, эта борьба со злом редко оказываются действительными: раз сказавшееся стремление к определённому роду чтения пробьют себе, в большинстве случаев, дорогу к удовлетворению; и если кому библиотека приносит несомненно пользу, так это тем, кто сам является в неё с хорошими или с неопределившимися ещё стремлениями; такие случаи нередки; нам часто приходится слышать такого рода заявления: “Я хочу хорошие книги читать, — посоветуйте, что мне брать”, или: “Я хочу учиться по книгам, пустых книг мне не давайте! Я хочу извлекать для себя пользу из чтения!” Бывают и такие просьбы: “Давайте такие книги, которые хорошо было бы читать вслух по вечерам в семье!”» <...>

Наконец II съезд деятелей по техническому и профессиональному образованию, бывший в Москве в текущем 1896 году, вотировал следующие ходатайства:

1. В виду того, что народные бесплатные библиотеки, устраиваемые вне школьных помещений, подчинены действию правил 15 мая 1890 года, в силу которых выбор книг для этих библиотек ограничен книгами, разрешёнными для библиотек низших и средних учебных заведений, т. е. в сущности для детских библиотек, между тем как абоненты народных библиотек и посетители читален люди взрослые и ищут в пользовании библиотеками удовлетворения совсем иных потребностей, чем те, ради которых учреждаются ученические библиотеки; и в виду того, что правила 15 мая 1890 года представляют собою административное распоряжение, отменяющее для целого ряда библиотек действие общего закона о публичных библиотеках, в силу которого в публичных библиотеках допускаются все книги, кроме помещённых в особом списке запрещённых книг, — постановлено возбудить ходатайство об отмене правил 15-го мая 1890 года и о восстановлении действия общего закона о публичных библиотеках (ст. 175 и 179 цензурного Устава) в применении к бесплатным библиотекам.

2. В виду того, что публичные библиотеки для взрослых, устраиваемые в школьных помещениях, в настоящее время могут пополняться лишь книгами, разрешёнными для низших учебных заведений, т. е. книгами, рассчитанными на ранний

детский возраст, возбудить ходатайство о том, чтобы публичные библиотеки, устраиваемые в школьных помещениях, могли пополняться теми же книгами, какими пополняются вообще публичные библиотеки.

3. В виду того, что для составляемых Министерством Народного Просвещения каталогов библиотек низших и средних учебных заведений книги рассматриваются учёным комитетом министерства с неизбежно медленностью, вследствие чего многие хорошие книги не успевают быть рассмотренными и не попадают в школьные каталоги, и в виду того, что действующая ныне система разрешительных каталогов привела к тому, что выбор книг для библиотек средних и в особенности низших учебных заведений крайне беден вообще и в особенности беден книгами научными и сельскохозяйственными, — постановлено ходатайствовать, чтобы существующая ныне система разрешений книг для библиотек низших и средних учебных заведений была заменена системою запрещений приобретать в школьные библиотеки книги, признанные для них неподходящими.

4. В виду того значения, какое имеет для успешного ведения школьного дела умственный уровень учащихся, в виду крайне незначительного числа книг, допущенных в учительские библиотеки каталогом Министерства Народного Просвещения, постановлено ходатайствовать, чтобы в учительские библиотеки начальных училищ были допущены все те книги, какие допускаются в публичные библиотеки.

Все эти попытки расширить для народа возможность пользоваться литературою приобре-

тают особенное значение в виду того — теперь уже несомненного — факта, что запросы читателей из народа с каждым годом повышаются, делаются серьёзнее. Наблюдения показывают, что под влиянием чтения изменяются и самые вкусы читателей. Так в ореховской библиотеке число книг по естествоведению и сельскому хозяйству растёт (в 1-й год 161, во 2-й год 196 и в 3-й год 215 требований), а по беллетристике значительно падает (с 1374 до 1055).

В одесской библиотеке требования на книги по естественной истории возросли на 44 %, по географии на 52 %, тогда как по беллетристике только на 27 %, а по истории всего на 2 %. В 15-ти библиотеках Екатеринбургской губернии требования по словесности и научным отделам в 1-й год составляли 77,5 %, а в последний 86 %.

Вот что читает в одном рукописном отчёте библиотеки: «Было и теперь есть несколько человек из числа подписчиков, которые, начав чтение с маленьких книжечек (рассказов Толстого и других изданий «Посредника»), перешли мало-помалу к чтению лучших произведений русской и иностранной литературы и к чтению научных книг; но таких очень немного. Вот список книг, прочитанных за зиму одним из подписчиков, писарем В.: Лермонтов, «Новые люди» Мордовцева, «Психология» Селли, Толстой, Шиллер, Дарвин, «Отцы и дети» Толстого, «Екатерина Великая» (биограф.), «Обломов» Гончарова, «Мир чрез Симона» (изд. Павленкова), «Любовь

до эшафота», «Грядущая роса», «Духовидец» Шиллера, «Император» Эберса, «Гамлет», «Царь и гетман» Мордовцева, «В небесах» Фламариона, Успенский.

Другой подписчик Г. (ремесленник): «Рудин», «Большая медведица» Крестовского, Некрасов, Байрон, «Жизнь и поэзия Лермонтова», Надсон, Писемский — «1000 душ», «Рыбаки» Григоровича, «Во время оно» Иоллеса, «Углекопы», Толстой, Щедрин, Толстой, Байрон, журнал «Вестник Европы», «Заря новой жизни», «Униженные и оскорблённые» Достоевского, его же — «Преступление и наказание».

К сожалению, мы не имеем данных о том, как читаются периодические издания в сельских народных библиотеках, и можем привести только косвенные доказательства, что запрос на такие издания будет, если они войдут в состав библиотек. На это прежде всего указывает опыт бесплатных народных читален, устроенных в городах. В одесской бесплатной народной читальне спрос на периодические издания занимает второе место (первое — на словесность). Правда, по словам отчёта, выписка журналов и газет не привлекла пока ни одного посетителя для специального пользования только периодическою литературою, но зато внесла заметное оживление в среду посещавших уже читальню, выразившееся в более аккуратном посещении читальни и более продолжительном в ней пребывании. Пользующихся газетами здесь немного, человек 20, из которых только 3 постоянных читателя. Иллюстрации были в более оживлённом обращении, чем такие издания, как «Русский Вестник», «Русский Архив» и т. п. Детские журналы, за исключением «Родника», спрашивались вяло и читались неохотно. Есть наблюдения, что даже картины в альбомах и отдельные издания пользуются большим спросом там, где они есть.

Любопытен в смысле оценки значения периодической прессы в народных читальных опыт харьковской читальни.

В марте 1892 г. последовало распоряжение об изъятии из библиотеки газет и еженедельных журналов. С применением на практике этого распоряжения, по словам отчёта, обнаружился немедленный отлив большинства взрослых посетителей. В виду этого, комитет народной читальни возбудил чрез инспектора народных училищ ходатайство о допущении в читальню периодических изданий.

Когда разрешение было дано, то вторичное появление газеты на столах читальни «тотчас же и произвело тот эффект, которого ожидали: в числе посетителей взрослый элемент стал увеличиваться». И здесь спрос на периодические издания занимает также второе место; но надо принять во внимание, что правильная регистрация требований на периодические издания в читальных, — дело почти невозможное: один и тот же посетитель за время, пока он прочтёт одну книгу, может пробежать глазами целый десяток газет. В виду того, что посетителями названных нами городских народных читален являются лица, близко подходящие по уровню своего развития к читателям сельских библиотек (в харьковской читальне 50 % читателей составляют мещане и 25 % крестьяне, а в одесской оба эти сословия дают, вместе взятые, 88 % всего числа), надо ожидать, что и в сельских библиотеках периодические издания не останутся без спроса. На это указывает уже тот факт, что крестьяне сами выписывают газеты.

По сведениям московского статистического отделения, ещё в 1883 году в губернии выписывалось крестьянами до 350 экземпляров газет; по сведениям новгородского губернского земства, в губернии в 1884 году выписывалось крестьянами до 120 экземпляров газет. Как ни малы эти цифры, но они показывают, что потребность в периодической прессе между крестьянским населением существует, а главное — растёт. Так, по сведениям А. С. Пругавина, в слободе Мстере, Вязниковского уезда, крестьяне выписывали газет в 1872 году 12 экземпляров, а в 1888 году 57, т. е. почти в пять раз больше.

Итак, народная библиотека должна быть снабжена и книгами, и периодическими изданиями, не исключая иллюстрированных, — всем, что есть лучшего по содержанию, занимательного и популярно написанного в отделах: религиозно-нравственном, литературном, историческом, географическом, по естествоведению, сельскому хозяйству и законоведению. Что всё это нужно для сельского жителя — едва ли кто-нибудь будет оспаривать, а что на всё это будет спрос — доказывается вышеприведёнными данными. К этому же выводу приводят нас и цифры о распределении читателей по сословиям, возрастам и образованию в тех сельских библиотеках, о коих мы имеем сведения.

Вот три категории, на которые прежде всего надо разделить читателей:

«Всех читателей, — пишет т. библиотека, — можно подразделить на три главные крупные разряда: 1) читатель более или менее интеллигентный, взрослый, развитый, 2) читатель мало развитый, взрослый, 3) дети».

«При чтении беллетристики, вторая категория скорее подходит к первой, так как взрослому, хотя бы он был только грамотный, знание жизни даёт возможность понимать литературное произведение; народные издания беллетристического содержания имеют смысл лишь в отношении дешёвизны, поэтому в библиотечном каталоге они не выделены, а помещены в общий отдел беллетристики, но зато детские книги составили особый отдел. Относительно же книг научного содержания, читатель второй категории скорее подходит к читателю 3-й категории, так как для понимания научной книжки нужно уже не столько знание жизни, сколько некоторое развитие, школьная подготовка; поэтому наиболее популярные книжки по научным вопросам составили особый отдел — популярно-научный, который предполагается доступным для детей, интересующихся путём чтения приобрести некоторые знания, а также и для взрослых мало развитых. При составлении каталога и приобретении книг, мы руководствуемся следующими принципами: 1) не вносить в библиотеку книг заведомо пустого содержания; 2) приобретать книги не случайно (что попадётся дешёво), а по составленным по каждому отделу спискам; 3) при приобретении книг соблюдать такого рода постепенность: прежде всего стараться приобретать книги, на которые больше требований; книги, которые подходят под вкусы и направление большего круга читателей; затем, по удовлетворении их, пополнять библиотеку книгами научного содержания лучшего качества и направления;

4) пополнять все отделы, по возможности, равномерно; 5) наблюдать, чтобы в отделе критики были разборы большей части литературных произведений, составляющих содержание отдела беллетристики».

Но это библиотека городская. О степени же образования читателей сельских библиотек я расположил цифровые данные в особой таблице. Эта таблица, свидетельствуя о разнородном составе читателей по образованию, в то же время показывает, как велика связь и школьных, и народных сельских библиотек с земскою школою, и какую огромную роль играет последняя в деле приготовления читателей. Мы видим, что из лиц, не учившихся в земской школе, пользуется библиотеками всего только от 8 % до 15 % общего числа читателей. Вся остальная масса читателей распределяется между окончившими курс земской школы (от 20 % до 88 % в разных местах), учащимися в ней (до 65 %), выбывшими из неё ранее окончания курса (от 9 % до 15 %) и до 3 % учившимися в других учебных заведениях. Где нет школы, там почти нет места библиотеке. Мало этого, — библиотека не будет иметь достаточного числа читателей, если школа плоха, если она не разовьёт в детях потребности к чтению. На это, между прочим, указывают следующие факты: в селе Усть-Пльинском приходское училище существует 32 года, а между тем в населении охоты к чтению никакой не замечается. В пречисто-каменской библиотеке из 384 читателей-крестьян 291 (71 %) бывшие ученики земских школ; далее, обучавшихся грамоте дома 71 и, наконец, бывшие ученики церковно-приходских школ составляют только 5 % читающих (22 чел.), хотя в 4-х вёрстах от читальни находятся давно две церковно-приходские школы (волосовская и козьмодемьяновская).

Народные библиотеки почти повсюду являются всесловными учреждениями с преобладанием читателей из крестьян-земледельцев и это необходимо иметь в виду для того, чтобы, во-1-х, состав книг в сельских библиотеках не был слишком односторонен, а во 2-х, чтобы везде в них было отведено достаточно места книгам, соответствующим нуждам и интересам крестьян-земледельцев. В ореховской библиотеке из числа читателей было 68 крестьян, 4 мещанина, 3 духовных, 4 дворовых и др. В библиотеках Екатеринбургского уезда из 18 тысяч читателей было 15 тысяч крестьян (из коих около 12 тысяч занимаются земледелием и около 3 тысяч работают на заводах) и около 3 тысяч купцов, мещан, духовного звания, дворян и проч. В пречисто-каменской библиотеке из 407 читателей 23 не крестьяне: учителя, священники и проч.

Сообразно с тем, как не велико количество девочек, учащихся в школах, число читательниц в библиотеках представляет тоже пока незначительный % общего числа. В Александрийском уезде они составляют менее 8 % общего числа читателей. В ореховской библиотеке Боровичского уезда читательницы составляют 16 % и только в Сагунове, Острожского уезда, этот % возвышается до 33. Данные об этой библиотеке, как мы уже видели выше, показывают, что количество читательниц возрастает быстрее, чем число читателей.

Возрастающее количество женщин-читательниц будет побуждать учредителей

библиотек заботиться приобретением книг по воспитанию и таких произведений по беллетристике, где изображается семья и взаимные отношения между её членами. Замечательно, впрочем, что в Александрийском уезде женщины немного чаще, чем мужчины, требуют книги не только литературного содержания, но также и биографии и по естествоведению, вдвое чаще по географии и народному хозяйству, но зато вдвое реже по истории.

Переходя к вопросу о зависимости вкусов читателей от их возраста, мы находим, что в Александрийском уезде количество требований учащимися на духовно-нравственные книги представляет 40 %, а взрослыми 50 % общего числа на все отделы; точно так же требующего на этот отдел в Чердынском уезде учащимися выражались — 17 % и взрослыми — 50 %. Если таким образом требования на книги духовно-нравственные с возрастом повышаются, то требования на беллетристику понижаются. Так, в Александрийском уезде по литературному отделу учащимися было предъявлено 35 % всех требований, а взрослыми 32 %; по историческому — учащимися 12 %, а взрослыми 8 %.

Аналогичные данные находим и в Чердынском уезде, где учащимися требуются 33,5 % по беллетристике, а взрослыми 26 %, по истории — учащимися 11,4 %, а взрослыми 11 %.

Эти данные не находятся в противоречии с мнением учредителя марковской сельской библиотеки г. Вилькевича и отзывом московского статистического отделения губернской управы. Первый пишет: «Люди пожилые

предпочитают религиозное чтение, молодые хозяева — хозяйственные книги, подростки — исторические и естественно-исторические, дети — повести, рассказы и сказки». По словам московского статистического отдела, «некоторые преподаватели сообщили в губернскую управу свои наблюдения, касающиеся того, при каких условиях спрашиваемы были те или иные книги. Наблюдения эти сводятся к следующему: а) старые люди любят читать преимущественно книги «божественные», молодое поколение, читая с удовольствием жития святых, в то же время очень интересуется историческими повестями и рассказами и книгами фантастического содержания, дети предпочитают читать сказки; б) старообрядцы читают почти исключительно книги религиозного содержания и только более молодые из них дозволяют себе читать книги исторические; в) крестьяне, преимущественно занимающиеся земледелием и живущие в глухих местностях, также наиболее склонны к чтению книг религиозного содержания; г) грамотеи, учившиеся в старых школах, предпочитают книги религиозного или сказочного содержания, учившиеся в новых школах, наряду с книгами духовного содержания, отдают предпочтение историческим повестям и рассказам; д) солдаты особенно любят читать рассказы о событиях прошлой войны, в которой они сами участвовали.

Сопоставляя с полученными выводами данные о возрасте читателей, снова приходим всё к тому же неизбежному выводу, что сельская библиотека должна быть,

сколь возможно, разнообразна и приурочена ко всем возрастам. В самом деле, в то время как в Александрийском уезде взрослые читатели составляли только 21 % общего числа, а остальные 79 % приходились на детей и подростков и в Боровичском уезде 45 % читателей были моложе 15 лет, 31 % от 15 до 25 лет и только 14 % старше 25 лет; в селе Вязовке, Вольского уезда, только 27 % читателей моложе 14 лет, а 29 % находятся в возрасте от 14 до 20 лет, 18 % от 20 до 30 лет и 2,6 % старше 30 лет. При этом количество взрослых читателей возрастает в известных нам случаях быстрее, чем малолетних. Так, в ореховской библиотеке за 4 года её существования число взрослых читателей увеличилось на 36 %, а малолетних и подростков, напротив, уменьшилось на 32 %.

Если при выборе книг необходимо руководиться запросами читателей, то состав библиотеки в свою очередь оказывает значительное влияние как на увеличение числа читателей вообще и того или иного пола, возраста, сословия и развития в частности, так и на развитие вкусов читающей публики. Где известный отдел беден интересными книгами, там и число читателей этого отдела будет незначительно, и наоборот. Стоит сравнить, как распределяются по отделам книги в читальнях московских и петербургских, и станет понятно, почему в Москве больше требований на научный отдел, чем в Петербурге, а на беллетристику меньше. Из всех нам известных сельских библиотек наибольшее количество требований на исторический и научный отделы было в библиотеках Орловского уезда, Вятской губернии, но там и самые отделы эти представлены лучше, чем в других библиотеках. Мы видели уже, что однопоявление периодических изданий в харьковской читальне вызвало усиленный наплыв взрослых читателей. Есть несколько сообщений

о том, что при всяком новом пополнении библиотеки книгами наблюдается особенно сильный наплыв читателей. «При каждой присылке нового транспорта книг, — пишет инспектор народных училищ Саратовской губернии, г. Фохт, — в училищную библиотеку немедленно являются молодые люди с просьбой посмотреть, нет ли чего-либо для них нового, нечитанного ими, и в очень скором времени книги расходятся». Из этих наблюдений видно, что при ежегодной затрате 8—10 рублей на каждую школьную и 40—50 рублей на каждую публичную библиотеку, не трудно будет не только удерживать прежних, но и привлекать новых читателей.

Времена года также оказывают заметное влияние на число читателей. Наибольшее число требований не только в сельских, но даже в городских школьных библиотеках приходится на зимние месяцы: в харьковской народной библиотеке это число начинает повышаться с октября месяца, доходит до своего максимума в феврале, немного уменьшается в марте и уже быстро падает, начиная с апреля. Точно так же в одесской бесплатной народной читальне в 1892 году наибольшее число посетителей было зимою и в особенности в феврале, а наименьшее летом и особенно в августе. Приблизительно те же выводы даёт и отчёт о богородицкой (Тульской губернии) бесплатной библиотеке за последние два года; но здесь, может быть, в зависимости от разницы в климатических условиях, наибольшее число читателей приходится уже не на февраль, а на март.

Но самым важным условием возможного расширения сферы влияния библиотеки и успешного функционирования её является интерес к своему делу библиотекаря-учителя. Он является душою всего дела. Без его участия школа не привьёт детям охоты к чтению книг, не разовьёт в них хороших литературных вкусов. При апатичном отношении к делу учителя, библиотека не будет иметь достаточного числа читателей. Мало этого — хороший учитель-библиотекарь является руководителем в выборе книг не только для детей, но и для взрослых читателей, которые почти всегда нуждаются в рекомендации книги, часто просят, чтобы руководили ими в выборе книги и иногда охотно передают учителю содержание прочитанного. Учитель-библиотекарь должен встать в надлежащие, основанные на взаимном доверии, отношения с читателями; ему придётся иногда бороться с ложным стыдом, удерживающим взрослого человека от посещения читальни.

Херсонская губернская земская управа в сделанном ею своде мнений уездных управ по устройству библиотек, говоря о слабом спросе на книги, касающиеся сельского хозяйства, приходит к выводу, что на расположение читателей к этому отделу большое влияние оказывает отношение к нему учителя. Более равномерное распределение требований по отделам, наблюдаемое в библиотеках некоторых воскресных школ, сравнительно с городскими читальнями и библиотеками, может быть объяснено главным образом влиянием учителей-библиотекарей.

Первостепенное значение этого фактора доказывается ещё и тем, что часто перемена учителя в школе резко отражается как на числе

читателей, так и на количестве выданных книг. Когда в тифлисской библиотеке была выбрана для заведывания ею простая женщина, не получившая школьного образования, но умная, начитанная и развитая, число читателей сразу стало увеличиваться; она даже нашла средство побороть застенчивость и ложный стыд, удерживавший до неё многих рабочих от посещения библиотеки. Сагуновская сельская библиотека первое время пользовалась малым успехом, ограничивая свою деятельность почти исключительно сферою учащихся. С переменою же заведующего библиотекою число читателей возросло с 73 до 219 человек, т. е. втрое, при чём увеличилось главным образом число подростков и взрослых обоёго пола.

Лично мне известно несколько случаев, когда с переменою учителя в школе резко изменялось отношение читателей к библиотеке. Главный нерв в вопросе о школьной библиотеке это то, как относится к этому делу учитель. Уже по этому одному на органах, пекущихся о народном образовании, лежит обязанность поднять умственный уровень и расширить духовные интересы учителей устройством таких учреждений, которые поддерживали бы в учителе необходимое умственное возбуждение, любовь к своему делу и веру в него; и прежде всего необходимо устройство хотя бы одной на каждый уезд центральной учительской библиотеки, щедро снабжённой лучшими произведениями из всех отраслей литературы и знания и особенно педагогическими книгами и журналами.

Многие земства энергично высказываются за устройство таких библиотек. Так, городинское земство указывает на «отсутствие центральной уездной библиотеки для учителей, при чём учителя, заброшенные в сельскую глушь и не имея под руками хотя бы какой-нибудь библиотеки, поневоле опускаются и теряют энергию к своему делу». Конотопская комиссия по народному образованию говорит об устройстве такой библиотеки: «Мера эта признана комиссией крайне полезною, в видах предоставления учителям возможности возобновить приобретённые ими познания и следить за успехами и развитием педагогического дела. Такие библиотеки уже устроены в уездах: Царёвококшайском, Сапожковском, Саратовском, Бердянском, Шадринском, Орловском, Елабужском, Юхновском и др.

К сожалению, такие библиотеки, с одной стороны, не всегда удовлетворяют учителей, а с другой — иногда вызывают жалобы на учительский персонал со стороны земства. Так, инспектор народных училищ Вятской губернии г-н Магницкий пишет, что в г. Елабуге существует квазиучительская библиотека, которою пользуются не учителя, а другие лица. А козелецкая управа, в своём объяснении в губернскую управу, вполне соглашаясь с желательностью самообразования учителей, отмечает весьма характерное наблюдение, что и тех полезных и серьёзных книг, которые теперь имеются в земской козелецкой библиотеке, большинство учителей не берёт: «Целая треть училищ в течение отчётного года не требовала ни одной книги педагогического и научного содержания; для остальных школ требования на подобные книги составляли единичные исключения. Причина вышеуказанных явлений кроется в отсутствии у учителей системы в выборе книг». Мы лично знаем одну такую библиотеку, где ассигнованные земством деньги

тратятся на приобретение романов для местных помещичьих семей, и распорядители библиотеки предлагают их учителям вместо требуемых последними педагогических журналов, которых здесь не выписывают. Мы слышали от учителей жалобы, что учительские библиотеки пополняются без всякого участия в выборе книг со стороны самих учителей, что в библиотеке отношения к ним официальные, почти начальнические, что это дело для них не своё, а чужое.

Подобные обвинения указывают, во 1-х, на не вполне нормальную организацию подобных библиотек, а во 2-х, на то, что наряду с центральными библиотеками нужны и другие средства, направленные к подъёму умственного развития учителя, его энергии и к расширению его интересов. Почему бы, например, земству, училищным советам, инспекторам, предварительно каких-либо распоряжений в круге своего ведения, не требовать от учителей соображений по возбуждаемому вопросу. Никакого вреда такие обращения принести не могли бы, а польза от них была бы большая: подобные запросы шевелили бы мысль учителей, заставили бы их изучить предмет, о котором их спрашивают, и наверное, по крайней мере некоторые из этих соображений, как выведенные из непосредственного опыта и наблюдения, оказались бы нелишними при окончательном решении вопроса. Насколько нам известно, такие попытки делались до сих пор шадринским земством Пермской губернии, и это не мешало уезду занять одно из первых мест в России по числу,

разнообразию и успеху сделанных им начинаний в области народного образования. Ещё более важною мерою в этом отношении могли бы быть учительские съезды под руководством опытных педагогов, дающие возможность учителям обменяться между собою мыслями, опытом, сведениями и наблюдениями, разрешить сообща накопившиеся недоразумения и сомнения, познакомиться наглядно на уроках с рациональными приёмами и техникою преподавания, запастись необходимым умственным возбуждением на целый год одинокой тяжёлой работы без возможности перекинуться живым словом с образованными людьми. Правда, даже совокупность этих мер не будет настолько чудодейственною, чтобы все учителя-библиотекари вдруг проявили инициативу и были заинтересованы делом библиотеки из-за бескорыстных побуждений помочь народу поскорее выйти из состояния полудикости и невежества. На это потребуется время; а на первых порах можно было бы заинтересовать самых заурядных учителей вознаграждением за их труды по библиотеке, распределяемым, например, пропорционально количеству выданных каждым из них книг для прочтения. Контроль за их отчётностью значительно облегчается, если подписчики сами будут расписываться в получении книг.

Нам остаётся сказать, какую роль играют в деле устройства библиотек теперь и какая, по нашему мнению, предстоит в ближайшем

будущем учреждениям, ведающим дело народного образования, сельскому населению и частной инициативе. Деревенское население, ближе всего заинтересованное в учреждении библиотек, очевидно, не всегда может взять на себя инициативу в данном случае по своему неразвитию, малограмотности и, наконец, просто по неумению взяться за дело.

Правда, опыт показывает, что, когда крестьяне на деле убеждаются в пользе библиотеки, они охотно оказывают ей небольшую материальную поддержку из волостных, общественных и штрафных сумм и добровольных приношений. Мне известно, что крестьяне села Слободки и Подсоенок, Юхновского уезда, по собственному почину собрали на наполнение школьных библиотек довольно значительные для них средства. В деревне Тюлине, Сычевского уезда, самими крестьянами по почину одного фабричного рабочего устроена библиотека-читальня. Комиссия по воскресным, вечерним и т. п. школам, состоящая при московском комитете грамотности, в 1895 году чрез волостные правления собрала сведения о внешкольном образовании народа и в настоящее время получила сведения, что в 43 волостях открыты библиотеки по инициативе самих крестьян, а в 134 волостях составлены приговоры об открытии библиотек.

Рубрика подготовлена совместно с ИЦ РАО «Библиотека имени К. Д. Ушинского».

